

УДК 930 (470.23-25):929 Кагаров:39(=112.2:47+57)

И. В. Черказьянова

**ЛЕНИНГРАДСКИЙ ПЕРИОД ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
Е. Г. КАГАРОВА: ВКЛАД В ИЗУЧЕНИЕ ЭТНОГРАФИИ
НЕМЦЕВ СССР**

Показан вклад Е. Г. Кагарова в этнографическое изучение советских немцев на рубеже 1920–30-х годов. Это сбор материалов во время экспедиционных поездок к немцам Поволжья и в немецкие колонии под Ленинградом, публикация статей о традициях и обычаях немцев, подготовка в Академии наук аспиранта П.Г. Пеннера, автора первой диссертации по этнографии советских немцев.

Ключевые слова: Е. Г. Кагаров, Академия наук СССР, Ленинград, АССР немцев Поволжья, этнография, советские немцы.

Кагаров Евгений Георгиевич (1882–1942) является одним из ярких представителей ленинградской школы этнографов, чья научная деятельность велась на Украине и России, чья судьба связана с Тбилиси, Одессой, Харьковом и Ленинградом.

Историография об этом ученом не отличается обширностью, при этом следует отметить, что в настоящее время исследователи Украины уже предприняли первые попытки сказать свое слово о Кагарове. Были выявлены источники в архивах Одессы, Киева, Харькова и Петербурга, но далеко не все они введены в научный оборот. В настоящей статье отражен ленинградский период деятельности Кагарова, главным образом, его работа по изучению советских немцев.

Первая статья о Кагарове появилась в 1963 г. в журнале «Советская этнография» [19]. Ее автор д-р ист. наук Николай Андреевич Кисляков (1901–1973) в свое время учился в Ленинградском университете у Л. Я. Штернберга и Е. Г. Кагарова, а позже работал вместе с Кагаровым в Музее антропологии и этнографии (МАЭ), с осени 1934 г. во время обучения в аспирантуре

Академии наук Кагаров был одним из его консультантов [18, с. 109, 110, 117]. Статья Кислякова приурочена к 80-летию со дня рождения Е. Г. Кагарова. Биографическая часть, можно утверждать с почти полной уверенностью, была составлена с опорой на автобиографию Кагарова, которая и сейчас хранится в академическом архиве в деле ученого. Об этом свидетельствуют использованные факты, их последовательность и даже некоторые формулировки, которые есть и в документе. Более 20 лет после смерти Кагарова длилось молчание о его последних днях в годы войны. Это породило оскорбительные домыслы о том, что уволившись из института, он специально отправился на Северный Кавказ навстречу фашистам. Кисляков первым опроверг слухи о сотрудничестве Кагарова с оккупантами. Вторая часть статьи посвящена общему разбору научного наследия ученого, дана оценка основным работам, отмечен переход исследователя на твердые марксистские позиции на рубеже 1920–30-х годов, а также показана роль Кагарова в разоблачении взглядов тех ученых, которые перешли на службу Третьего Рейха и оправдывали расовую теорию. Статью завершает список из 38 основных публикаций Е. Г. Кагарова. Она снабжена единственным известным портретом ученого, сделанным уже в зрелом возрасте.

В 1997 г. в Харькове был издан биобиблиографический указатель, приуроченный к 115-летию ученого, который работал в Харьковском университете в 1912–1925 гг. [5]. Издание содержит биографический очерк, в котором основное внимание сконцентрировано на харьковском периоде профессора, а также список его работ за 1905–1941 гг. К сожалению, опубликованная библиография не является исчерпывающей. Общий список работ Кагарова насчитывает более 500 наименований, лишь по состоянию на 1940 г. в нем значатся 230 статей и 235 рецензий [29, д. 284, л. 76–99], а в данном справочнике их только 170. Есть и фактические неточности. Например, месяцем рождения назван август, хотя Кагаров родился в сентябре, дата защиты магистерской диссертации ошибочно указана 6 декабря 1912 г., на деле она состоялась в октябре 1913 г. Несмотря на указанные недочеты указатель, подготовленный украинским профессором Владимиром Ивановичем Кадеевым (1927–2012), является серьезным вкладом в изучение научной биографии Е. Г. Кагарова.

Биографию Кагарова реконструировал и научный сотрудник Одесского областного архива Сергей Евгеньевич Березин [3, 4]. Он использовал документы личного архива Кагарова из Российской национальной библиотеки (ф. 324), Государственного архива Одесской области (Ф. 45), письма Е. Г. Кагарова к Э. Р. фон Штерну, обнаруженные им в Институте рукописи Национальной библиотеки Украины имени В. И. Вернадского (Ф. V). Но Кагаров интересуется автором лишь как специалистом по античности. Вопрос о вкладе Кагарова в изучение немецкого населения СССР вообще не поднимается.

В начале 2000-х годов исследователями впервые была затронута его деятельность по изучению немцев Поволжья – сведения о коллекции керамики, собранной Кагаровым в АССР немцев Поволжья и хранящейся в МАЭ (Кунсткамере), попали в сводный каталог о немецких коллекциях Петербурга [7].

Документы, хранящиеся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ), Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (СПбФ АРАН) и Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), позволяют глубже реконструировать ленинградский период в жизни ученого, его научно-педагогическую и научно-организационную деятельность, изучить исследовательские интересы, связанные с темой немцев СССР и Германии.

Биография Евгения Георгиевича Кагарова известна по прежним публикациям о нем, она достаточно детально зафиксирована в документах личного происхождения, в автобиографии, хранящейся в архиве РАН. В этом разделе статьи мы не претендуем на новизну фактов, однако, некоторые уточнения и дополнения и здесь стали возможны.

Кагаров родился 16 (28)¹ сентября 1882 г. в Тифлисе в семье губернского секретаря, служащего по лесному ведомству Георгия Кагарова [30, д. 284, л. 8]. Отец был выходцем из мещан, встретил революцию в должности лесничего 2-го разряда (служил в Ахалкалакском лесничестве Тифлисской губернии), умер в 1921 г. На иждивении Кагарова оставалась мачеха в возрасте старше 70 лет. Он был несколько раз женат. 27 июля 1921 г. разведенный Кагаров женился во второй раз на Тащенко Марии Антоновне из Полтавы,

---

¹ В автобиографии Кагаров ошибочно указал дату рождения в переводе на новый стиль как 16(29) сентября.

студентке, моложе его на 16 лет. В 1924 г. в качестве супруги упоминается Кагарова Гедвига Павловна (1892 г.р.). Во всех анкетах Евгений Георгиевич указывал, что он русский, лишь в личном листке по учету кадров от 30 августа 1938 г. в графе «национальность» зачеркнуто «русский» и надписано «армянин» [30, д. 284, л. 139].

Е. Г. Кагаров окончил в 1901 г. 1-ю Тифлисскую гимназию с золотой медалью и сразу поступил в Новороссийский университет на историко-филологический факультет. Университетский курс также окончил с золотой медалью (1906), полученной за выпускное сочинение «Религиозные воззрения и идеалы Древней Греции в VI–V столетии». 1 июля 1906 г. был утвержден профессорским стипендиатом. После выпуска преподавал историю и русскую литературу в некоторых учебных заведениях Одессы. Лишь после сдачи магистерского экзамена был командирован за границу с 1 марта 1909 по 1 июля 1910 г., позже срок пребывания в Европе был продлен. Во время заграничной поездки в 1909–1910 гг. посещал лекции в Берлине у профессоров: Ульриха фон Виламовица-Меллендорфа (1848–1931) по античной литературе, Эдуарда Мейера (1855–1930) по древней истории, Адольфа Эрмана (1854–1937) по египтологии, по археологии у Губерта Шмидта (1864–?), одного из исследователей древней Трои. Кроме того, Кагаров занимался в Музее народоведения в Берлине, слушал лекции в Галле и Лейпциге. Срок командировки был продлен специально для изучения памятников античности в Италии (осень 1910 г.) и для участия в археологических раскопках в Греции (зима 1910-го – весна 1911 г.). Он побывал в Риме, Помпеях, в Аттике, Пелопоннесе и на острове Крит [11]. В то время на Крите шли масштабные сенсационные раскопки под руководством Артура Эванса, открывшего новую древнюю культуру.

Интерес Кагарова к античной археологии был связан с его исследовательскими интересами и специализацией в университете. Одесса представляла особенные, весьма благоприятные условия для занятий античностью, которая была главной темой в культурной жизни города. Значимой фигурой в жизни Новороссийского университета и местного научного сообщества был профессор Эрнест Романович фон Штерн (1859–1924), происходивший из прибалтийских немцев, много сделавший для развития антиковедческих исследований в Одессе. Он воспитал плеяду известных ученых, историков и археологов, среди которых М. И. Мандес, Б. В. Фармаковский,

Е. Г. Кагаров. В 1911 г. Штерн покинул Россию [31]. Поэтому неслучайно Кагаров еще в студенческие годы стал членом (членом-сотрудником, с декабря 1908 г. действительным членом) Одесского общества истории и древностей, был хранителем музея общества, и с 1904 г. на протяжении нескольких лет участвовал в раскопках профессора Штерна на о. Березань близ Очакова [30, д. 284, л. 129].

В июне 1911 г. Кагаров вернулся из заграницы сначала на Кавказ, а 29 августа приехал в Одессу, т.к. еще с 21 июня был принят приват-доцентом в Новороссийский университет. Но предполагавшегося учебного курса по истории греческой религии и семинара по Геродоту или Диодору Сицилийскому он не получил, поэтому принял решение оставить Новороссийский университет [5, с. 7]. Сам Кагаров эти полгода оценивал как «период лишений», приват-доцентура не обеспечивала нормальной жизни, а уроков получить не удалось [30, д. 284, л. 8 об.]. В конце 1911 г. он получил приглашение из Харьковского университета на штатную должность доцента, а 18 января 1912 г. выехал в Харьков. В Харьковском университете он безвыездно работал до конца 1925 г. Приказом от 1 сентября 1914 г. магистр Кагаров был назначен «к постоянному исполнению преподавания в должности экстраординарного профессора» по кафедре классической филологии. 3 января 1920 г. утвержден в должности ординарного профессора. Читал более 13 различных дисциплин, в т.ч. историю античной науки, историю этнографии.

В период работы в Харькове Кагаров защитил две диссертации: магистерскую и докторскую. 6 октября 1913 г. в Московском университете состоялась защита диссертации на степень магистра греческой словесности по теме «Культы фетишей, растений и животных в древней Греции». Итоги защиты были утверждены Советом университета 2 ноября 1913 г. [30, д. 119, л. 4 об.]. Разделы диссертационного исследования сначала публиковались на страницах «Журнала Министерства народного просвещения», в 1913 г. вышли отдельной книгой [13]. Для подготовки диссертации были привлечены разнообразные источники: лингвистические, литературные, исторические, эпиграфические, этнографические, была использована литература на многих языках. Летом 1912 г. Харьковский университет предоставил Кагарову специальную заграничную командировку для дополнительного сбора материалов к диссертации. 14 сентября 1919 г. в Харьковском университете

Кагаров защитил диссертацию на степень доктора греческой словесности на тему «Греческие таблички с заклтиями» [10].

Круг его научных интересов был обширным, эрудиция – огромная, что нашло отражение в списке публикаций того периода. В основном работы выходили в журнале «Гермес», главном журнале антиковедов. Это были и статьи, и рецензии на работы коллег. Его интересовали древняя филология, религия древних греков, славян и египтян, проблемы мифологии, вопросы образования. Статьи публиковались в дореволюционном журнале «Родной язык в школе» и советских журналах «Путь просвещения», «Знание» и др. В этот период появляются статьи о происхождении письменности, очерки об истории учительства, работы по методологии этнографии, истории науки, о русской речи, методике преподавания в школе и о многом другом. О знании иностранных языков Кагаров писал, что слабо владеет английским, итальянским и новогреческим, хорошо французским и немецким [30, д. 284, л. 140]. В этом списке не указаны древнегреческий и латынь, знание которых не обсуждалось для специалиста по античности.

В 1925 г. в судьбе профессора произошли серьезные изменения, которые привели к смене места работы и жительства. Летом 1925 г. он был выведен из штата кафедры европейской культуры и переведен на внештатную должность лектора, в итоге остался без постоянного источника существования. И раньше денег не хватало, одновременно с работой в университете Кагаров постоянно находил работу на стороне: преподавал в 1920 г. на Харьковских артиллерийских курсах, а с 1 мая 1922 г. русский язык на 51-х курсах пехотных командиров РККА [21, д. 1, л. 2, 3]. С 20 июня 1923-го до 10 апреля 1924 г. состоял сотрудником Государственного издательства Украины в должности ученого секретаря и секретаря социально-экономической секции (уволен по сокращению штатов) [21, д. 1, л. 22]. Все это были подработки, а нужна была стабильность не только для прокормления семьи, но и для занятий наукой.

По приглашению из Ленинграда в 1925 г. он был принят штатным профессором на кафедру этнографии географического факультета Ленинградского университета. Именно с 1925 г. в университете началось преподавание этнографии. После выделения в 1931 г. из состава ЛГУ особого Института истории, философии и литературы (ЛИФЛИ) читал лекции в ЛИФЛИ до 1936 г. С 1 января 1926 г.

одновременно состоял научным сотрудником МАЭ. На работу в Академию наук его рекомендовал профессор Лев Яковлевич Штернберг (1861–1927), основатель ленинградской этнографической школы, работавший в МАЭ с 1901 г.

Кагаров проявил себя в Ленинграде как один из организаторов этнографической науки. В феврале 1928 г. в ЛГУ было создано Научно-исследовательское объединение кафедр этнографического отделения географического факультета, преобразованное в 1929 г. в Этнографический научно-исследовательский институт при университете. Кагаров был заместителем председателя бюро учрежденного объединения профессора В. Г. Богораза. Уже на первых заседаниях среди прозвучавших докладов был и доклад Кагарова «Элементы свадебной обрядности». В том же году вышла его книга «Состав и происхождение свадебной обрядности». Заметную работу он вел в стенах МАЭ. 14 мая 1929 г. был утвержден заведующим отделением типологии и эволюции культур, с 20 марта 1930 г. – этнографом, с 1932 г. – одновременно заведующим кабинетом музееведения. 15 февраля 1933 г. назначается старшим этнографом, с 1 апреля 1934 г. – заведующим кабинетом и отделом Европы [30, д. 119]. По инициативе и при непосредственном руководстве Кагарова был организован ряд выставок по истории материальной культуры: о первобытных орудиях и оружии (1927), «Огонь в истории культуры» (1928), «Типы жилищ» (1929), об истории одежды (1930). Эти выставки стали основой для создания в МАЭ постоянной экспозиции «Происхождение человека и развитие первобытного общества». В первой половине 1930-х годов он руководил аспирантурой МАЭ, был ответственным секретарем журнала «Советская этнография». С 1937 г. работал по совместительству деканом факультета иностранных языков в Педагогическом институте им. М. Н. Покровского.

После восстановления в Советском Союзе в январе 1934 г. системы аттестации научных и научно-педагогических работников на заседании Президиума АН СССР 15 августа 1934 г. Кагарову присудили ученую степень доктора истории без предоставления диссертации [30, д. 284, л. 165].

Изучение пережитков «первобытного коммунизма» у древних германцев, вероятно, подтолкнуло ученого обратиться к духовной культуре, обычаям и обрядам немцев СССР, чтобы попытаться

найти у них отголоски родового строя. Изучение советских немцев не было самоцелью, но объективно это был важный эпизод в этнографической науке.

Знания о быте и духовной жизни немецких колонистов начали формироваться буквально с момента их поселения в России. В дореволюционной историографии бытовые описания поселенцев встречаются во многих работах чиновников и путешественников, священнослужителей, учителей и ученых. Наиболее значимый след оставил академик П. И. Кеппен, который много сделал для изучения народов России [17].

Систематическое изучение этнографии российских немцев начинается в 1920-е годы, и хотя этот период был непродолжительным, он вошел в отечественную историографию как яркое событие. Предпосылки к изучению немцев были связаны с политическими изменениями после октября 1917 г. как в самой стране, так и в Академии наук. В 1918 г. немцы Поволжья обрели собственную государственность – 19 октября провозглашена автономная Область немцев Поволжья (с 1923 – АССР немцев Поволжья). В 1920-е годы стали возникать немецкие национальные районы на Украине, в Крыму, Западной Сибири. Немецкий язык был возвращен в школы колонистов.

С другой стороны, в 1917 г. в структуре РАН появилась Комиссия по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран (КИПС), в рамках которой началось планомерное изучение народов страны. В 1919 г. в составе комиссии были созданы Европейский, Кавказский, Сибирский, Среднеазиатский отделы, в 1925 г. – Картографический отдел. В числе первых карт появилась цветная «Этнографическая карта Поволжья» («Составлена по материалам КИПС РАН», масштаб 1: 5 000 000), на которой выделены и немцы.

В это же время за пределами Академии наук с начала 1920-х годов велась масштабная диалектологическая работа в немецких поселениях СССР. Сформировались научные центры на базе Саратовского и Ленинградского университетов, которые возглавляли профессор Г. Г. Дингес (1891–1932) и В. М. Жирмунский (1891–1971). В конце 1920-х годов комиссия по изучению немецких диалектов в Саратове готовила к изданию лингвистический атлас диалектов АССР НП. В 1929 г. он насчитывал уже более 400 карт. По

оценке научной общественности, атлас был единственным научным проектом подобного рода в СССР и занимал почетное место наряду с аналогичными изданиями Германии, Франции, Италии [26].

Под руководством Жирмунского шло обследование немецких колоний Ленинградской области, Украины, Кавказа и Западной Сибири. Эти работы велись по линии наркоматов просвещения РСФСР и УССР в рамках деятельности Института истории искусств (ГИИИ), где работал Жирмунский. При Крестьянской секции ГИИИ он создал «Архив немецкой народной песни». По итогам экспедиций было опубликовано более 20 статей и две книги, в основном на немецком языке. В 1933 г. появилась обобщающая статья Жирмунского об итогах работы в немецких поселениях в 1926–1930 гг. [6].

Итоги экспедиционных исследований Дингеса и Жирмунского и их учеников актуальны и сегодня, многие собранные материалы до настоящего времени не изучены до конца. Основной целью тех исследований было выявление диалектологического многообразия немецкого населения СССР, а исторические и этнографические стороны изучались параллельно, как необходимый контекст для понимания языковых особенностей колонистов. Профессиональное изучение этнографии немцев в советское время связано с именами профессора Е. Г. Кагарова и его аспиранта П. Г. Пеннера.

В отечественной историографии отражение вклада Е. Г. Кагарова в изучение немцев СССР долгое время ограничивалось лишь упоминанием его статьи «Венчание покойников у немцев Поволжья», опубликованной в журнале «Советская этнография» [9]. Однако теперь известно больше об этих ученых, что позволяет говорить о том, что они предприняли первые шаги к планомерному изучению немцев СССР в рамках Академии наук. К сожалению, их исследования совпали с самым сложным периодом в истории АН СССР, которая с конца 1920-х годов подверглась коренной ломке. Советизация академии сопровождалась репрессиями против академиков и сотрудников институтов. Учреждения в течение короткого периода несколько раз меняли статус и структуру, менялись и руководители подразделений. Это наглядно прослеживается на примере КИПС и МАЭ, которые были объединены в 1933 г. в Институт антропологии и этнографии (ИАЭ), а далее следовала череда его переименований.

Летом 1929 г. Кагаров по собственной инициативе совершил поездку в АССР немцев Поволжья, которая и положила начало

этнографическому изучению советских немцев в Академии наук. Командировку Кагарова можно рассматривать как знаковую, т.к. тема немцев, как одного из народов страны, могла встать вровень с другими этнографическими исследованиями. Поездка была предварительной, Кагаров видел в ней начало дальнейших исследований в немецких колониях Поволжья и Ленинградской области.

Решение о поездке возникло не без влияния диалектологических исследований В. М. Жирмунского. Кагаров внимательно изучал работы ленинградского профессора, об этом можно судить по многочисленным конспектам и выпискам из его работ, которые сохранились в личных документах Кагарова. Жирмунский сотрудничал с ИАЭ, выступал с лекциями, участвовал в подготовке аспирантов. Так, о сотрудничестве Жирмунского с фольклорной секцией института, чтении лекций имеются сведения, относящиеся к 1933 г. [22, с. 219]. В 1934 г. Жирмунский вошел в состав редколлегии фольклорных сборников института.

Разрешение на поездку Кагарову сроком с 1 июля по 30 августа было выдано Президиумом АН СССР 9 июня 1929 г. [28], однако, без пособия со стороны Академии наук [30, д. 284, л. 204]. Целью было знакомство с бытом немецкого и украинского населения Бальцерского кантона АССР НП, поэтому у Кагарова было одновременно командировочное удостоверение и финансовая поддержка от Всеукраинской Академии наук (ВУАН), которая была заинтересована в изучении украинцев, проживающих в Поволжье. Работая в Ленинграде, Кагаров не терял контакты с Украиной. На протяжении нескольких лет он был уполномоченным Всеукраинской ассоциации востоковедения и выполнял ее поручения, например, по комплектованию литературы, имел доверенность на ведение переговоров с научными и общественными учреждениями для установления научных связей [21, д. 1, л. 6, 8, 11, 17]. Участвовал в работе съездов ассоциации востоковедов, проходивших в Харькове в мае 1927-го и в июне 1929 г. [30, д. 284, л. 206, 211].

Маршрут следования Кагарова известен достаточно подробно. 28 июня он приехал в Покровск (совр. Энгельс), 2 июля выехал из Бальцера. Имея на руках мандаты Наркомпроса АССР НП и Бальцерского кантонного исполкома с просьбой ко всем исполкомам, сельсоветам, школам, профессиональным и общественным

организациям о содействии, 5 июля прибыл в с. Антон, затем через с. Ахмат поехал в Куккус Зельманского кантона. Одновременно работал в украинских селах Анисовке и Квасниковке близ Покровска [21, д. 1, л. 12, 12об.]. О тщательной подготовке маршрута Кагаровым можно судить, например, по сохранившейся в его бумагах карты Области немцев Поволжья, отпечатанной в Покровске в сентябре 1922 г. [21, д. 486, л. 117]. Карта цветная, контурная. Красными чернилами рукой Кагарова нанесены все населенные пункты немецкой республики. В личных бумагах Кагарова имеется и карта поволжских колоний 1910 г., отпечатанная в саратовской типографии «Энергия». Это было бесплатное приложение к календарю «Volksfreund» [21, д. 1, л. 118].

Во время поездки посетил Центральный музей АССР НП (Покровск), Историко-этнографический музей волгара и Нижневолжский краевой музей в Саратове. В краевом музее отметил этнографические коллекции русских, украинцев, татар, чувашей, мордвы, немцев. Украинцы, по его мнению, были представлены слабо – только одеждой и вышивками. Музей в Покровске давал довольно полную картину быта немцев, имелись образцы домашней утвари, одежды, народных ремесел (гончарство, плетение, ткачество и др.). Во время поездки Кагаров установил контакты с Обществом изучения АССР НП, познакомился с профессорами университета диалектологом Г. Г. Дингесом и антиковедом Ю. А. Ивановым, а также заместителем наркома просвещения Н. Н. Беллендиром (1897–?), пастором Иоганном Эрбесом (1868–1932), одним из составителей сборника немецких песен (Саратов, 1914) [2, 8, 26]. Эти люди оказали ему реальную поддержку. Так, общество краеведения по изучению республики взяло на себя рассылку разработанных Кагаровым анкет по сельским школам республики [21, д. 17, л. 4].

Кагаров собрал материал по обрядам и верованиям немцев, записал ряд песен, исполнявшихся в прежние времена во время свадеб, праздников. Одновременно велась фотофиксация производственных процессов, бытовых сторон жизни, изучалось народное производство керамики в Куккусе. По итогам поездки были опубликованы две статьи: «Материалы по этнографии немцев Поволжья» (представлена академиком Е. Ф. Карским на заседании Президиума АН СССР 17 сентября 1929 г.)² [14] и «К этнографии

² По правилам публикаций доклад должен был сначала зачитан в заседании учреждений АН СССР.

немцев Поволжья» (представлена академиком Е. Ф. Карским в Отделении гуманитарных наук 29 октября 1929 г.) [12]. В первой статье Кагаров сосредоточился на описании свадебных обрядов и обычаев, во второй описаны праздничные обычаи (Рождество и Новый год, Пасха, Троица, Иванов день и др.). Ученый отмечал пережитки родового строя у немцев, архаические черты быта, особенно наглядно проявляющиеся в домашней утвари (кровать, сундук, скамьи, стены, колыбель, печи, пища). Фольклор немцев Поволжья также во многом сохранил черты XVIII века. Он подробно описал все этапы приготовлений и проведения свадьбы: сватовство (Freierei), смотрины (Beschau), обручение (Verlobung), оглашение, приглашение на свадьбу, венчание, саму свадьбу. Отмечены особенности свадебного поезда, описаны шутки молодежи во время свадьбы, танцы, вручение подарков. В статье опубликовано несколько свадебных песен, записанных в селах Антон и Бальцер со слов местных жителей (Johannes Voigt, 44 г.; Jakob Kempel, 60 л.). Личные наблюдения и анализ собранных сведений позволили Кагарову сделать вывод о том, что свадебные обычаи немцев Поволжья сохранили почти все характерные черты обрядности немцев Германии.

С большим интервалом, только в 1936 г., вышла статья Кагарова о погребальном обряде немцев Поволжья, который он лично наблюдал во время поездки в 1929 г. [9]. Посмертное венчание девушек широко практиковалось в украинских селениях и в целом у восточных славян. В журнале автор описывал обряд, встретившийся у немцев. Статья проиллюстрирована погребальным снимком невесты. Из документов Кагарова выясняется, что фотография была сделана по его просьбе R. Grasmik'ом³ в Куккусе [21, д. 466, л. 1], однако в самой статье имя автора пропало, сохранилось лишь указание на то, что фотографию сделали по просьбе Кагарова. В издательстве Академии наук при подготовке статьи к печати в журнале фотография была заретуширована. На обороте фотографии указано: «Людей на фоне убрать. Оставить лишь гроб» [21, д. 466, л. 8]. На снимке читаются некоторые детали, которые нельзя разглядеть в журнальной публикации, – на кресте видны имя девушки «Amalie» и часть даты «929». Эта деталь позволяет датировать снимок.

³ Возможно, речь идет о Грасмике Рудольфе Людвиговиче (1890–1937), на момент ареста в 1937 г. он заведовал аптекой в с. Ней-Вальтер.

Собранная Кагаровым коллекция керамики зарегистрирована в МАЭ 26 августа 1929 г. К описи предметов была приложена рукопись, характеризующая гончарное производство в Куккусе, и две фотографии, в настоящее время утраченные, которые иллюстрировали процесс изготовления керамики. В сдаточной описи указано 29 номеров (34 предмета), изготовленных и приобретенных в с. Куккус [20]. Каждый предмет назван на русском языке и местном диалекте (крынка для молока – Milchdippche, кувшин для воды – Woserkruck, горшок для сметаны – Schmanddippche и др.).

При нашем знакомстве с коллекцией [7] обнаружены некоторые детали, которые позволяют уточнить время сбора, время изготовления и авторство отдельных предметов. На всех сохранившихся оригинальных этикетках, сделанных рукой Кагарова, стоит дата и место сбора – АССР НП, с. Куккус, 12/VII 29. На обороте крышки глазированной миски с ручкой (№ 3968/14) по сырой глине была выцарапана дата «1925» и номер (№ 1). На крышке молочного кувшина (№ 3968/3, 3а) таким же образом была сделана надпись «с. Волское А. Беккер 1924 г.», в другом месте «Филипп А. Беккер въ село Волское Ф А Б 1924». Сокращение Ф А Б, вероятно, было клеймом Беккера, но на представленных предметах оно больше не встречалось.

В подробном описании гончарного производства автор отмечает, что Куккус – единственное село, где изготовление керамики существует с момента основания колонии. Среди прочих наблюдений Кагаров отметил влияние украинской глазированной керамики на гончарное производство немцев Куккуса. Он это объяснял тем, что, согласно местным приданиям, один из немцев-мастеров побывал на Екатеринославщине и научился там технике цветной глазури: белой, зеленой и желтой [21, д. 17, л. 3об.]. Более подробное изучение культурных заимствований автор отложил на будущее.

По каким-то причинам 12 фотографий, характеризующих гончарное производство, некоторые бытовые сцены и свадебный обряд немцев Поволжья, остались в личном архиве Кагарова и не были сданы на хранение в МАЭ [21, д. 486, л. 130–135; д. 457, л. 1–7]. Все они имеют на обороте штамп «Евгений Георгиевич Кагаров. Профессор Ленинградского университета», аннотированы рукой Кагарова и датированы 1929 годом. На многих указано место съемки – село Куккус. Первая группа снимков запечатлела людей летом. Это –

гончары за работой (2), пряжа, группа учеников немцев-колонистов, выпас коров (на обороте этого снимка написано «Весной до разлива Волги коров пасут на островах, где находятся они до полного разлива»). Можно предположить, что автор фотографий сам Кагаров, сделал их во время летней поездки. На остальных изображениях люди работают в теплой одежде (например, процесс изготовления веревки) или участники свадьбы стоят на снегу (свадебные снимки запечатлели музыкантов с цимбалистом в центре; парня с девушкой, жениха и невесту в национальных костюмах, парней-шаферов). Эта группа фотографий, вероятно, сделана для Кагарова по его просьбе осенью – зимой 1929 г. Аналогичная ситуация была с похоронной фотографией, сделанной Грасмиком тоже в Куккусе и тоже в 1929 г. Условно можно считать Грасмика автором и этих снимков.

Летом 1930 г. Кагаров пытался продолжить исследования немцев СССР, живших под Ленинградом и Новгородом. Однако Академия наук не выделила средств на эту работу и даже не выдала ему командировочное удостоверение, был разрешен лишь отпуск на это время [30, д. 284, л. 196]. На руках у него имелся лишь открытый лист Этнографической комиссии ВУАН, выданный 20 мая 1930 г. и действительный до 1 октября 1930 г. [21, д. 1, л. 16] Он был командирован для изучения украинских селений в СССР. Отчет о поездке в ленинградские немецкие колонии был составлен для ВУАН летом 1930 г. [21, д. 17, л. 7–8, 9–11]. Черновик этого документа в бумагах Кагарова дает основание предполагать, что чистовой вариант можно попытаться найти в архиве Академии наук Украины.

1930-й год был первым годом «советизации» МАЭ. Среди выбывших в том году сотрудников значится индолог Александр Михайлович Мерварт (1884–1932, умер в заключении), немец по происхождению, арестованный по ложному обвинению в шпионаже в пользу Германии и осужденный по «академическому делу». Именно на место Мерварта, на должность этнографа был принят Кагаров в марте 1930 г. [30, д. 284, л. 199]. В тот год музей был озабочен организацией антирелигиозной выставки совместно с Эрмитажем в Зимнем дворце. Сам Кагаров в мае 1930 г. состоял членом комиссии по разбору архива Исаакиевского собора [21, д. 1, л. 15]. Поэтому традиционные классические исследования народов были уже не актуальны, нужны были «свежие» подходы, направленные на преодоление пережитков буржуазности и религиозности среди

населения. Внимание этнографов концентрировалось на вопросах общественного строя, различных формах патриархальных и патриархально-феодальных отношений, расширилось сравнительно-историческое изучение первобытнообщинного строя, матриархата, военной демократии и т.д.

Масштабы исследований колоний под Ленинградом не сопоставимы с работой Кагарова в Поволжье. Он дважды (12 и 20 июля) посетил немецкую Гражданку, дочернюю колонию, основанную в 1827 г. и находившуюся практически уже в черте города, и Ораниенбаумскую колонию (28 июля, 8 августа). Неизвестно, удалось ли ему побывать в новгородских колониях, куда он собирался.

До Гражданки можно было добраться трамваем, доехав до остановки «Политехнический институт», а оттуда идти 20 минут. Статистические сведения Кагаров взял из подворной книги сельсовета и от председателя кресткома Петра Амана. В колонии насчитывалось 49 хозяйств с населением 234 человека. Преобладали фамилии Бауер, Эйдемиллер, Шефер, Юнг, Эрхард (Эргард) и др. Информантами были Петр Аман, начальник пожарной дружины Федор Фогельгезанг, Христофор Адамович Эргард (70 лет, адрес: Дорога в Гражданку, 20), учитель В. Глейцман (W. Gleitzmann), владевший тремя языками. 20 июля Кагаров побывал на кладбище Гражданки, где скопировал ряд надгробных текстов на немецком языке, а учителя переписал памятное посвящение, составленное его учениками в стихах. В Гражданке была сфотографирована большая семья Эргард–Юнг–Эйдемиллер (Ehrhardt–Jung–Eidemüller), бытовая сцена у колодца, внутренний вид дома (столовая), лютеранская церковь, школа.

Кроме этнографического обследования, сбора материалов о народных обычаях, религиозных верованиях и песен, ученый ставил задачей проведение анализа взаимодействия соседних культур, диалектики переселений немецких колонистов. Среди этнографических наблюдений этнограф отметил, в частности, обычай устраивать ворота посреди деревни для молодоженов наутро после свадьбы. Это была сколоченная из досок и украшенная еловыми ветками арка, которую Кагаров сопоставлял с триумфальными воротами, оценивал их как инициационный и очистительный акт. В погребальном обряде отмечен обычай венчания девушек-покойниц,

ранее виденный им в Поволжье. По поводу взаимодействия культур отмечен такой факт. В доме Эргардов (Гражданка) рядом с благочестивыми немецкими изречениями и религиозными лютеранскими картинками висели православные иконы.

В Ораниенбаумскую колонию ученый добирался на поезде до станции Мартышкино, оттуда 25 минут ходьбы. В колонии насчитывалось 20 хозяйств и 78 жителей, в соседней Кронштадтской колонии – 28 хозяйств и 128 человек. Сфотографировал дом колонистки Марии Федоровны Кнодель (ст. Мартышкино, Ораниенбаумская колония, д. 2), бытовые сюжеты, сцены уборки сена на воз, типы колонистов на работе у воза, украшение крыши, общий вид колонии с северной стороны. Здесь тоже отмечен обычай строить ворота для молодоженов, выкуп туфли невесты.

Обследование дочерних колоний Гражданка и Янино позволили Кагарову сделать методологический вывод о динамике переселений. По его теории, динамика зависела от трех факторов – первоначальной мощности явления в исходном пункте движения, длины пути и сопротивления среды в области, занятой колоний. Сделанные Кагаровым записи в Гражданке и Ораниенбауме, включая свадебные песни, приговоры приглашателей (доверенные лица жениха и невесты, обходившие односельчан с приглашением на свадьбу), надгробные посвящения и описание праздничных обрядов, не опубликованы, и ни одна из фотографий не обнаружена, возможно, они полностью утрачены.

В последующие годы Кагаров не предпринимал больше поездок в колонии, но активно собирал материал о немцах и германцах, готовил различные статьи, работал над книгами «Народы СССР» (1931) [15] и «Пережитки первобытного коммунизма в общественном строе древних греков и германцев» (1937) [16]. В первой из них о немцах имеется несколько абзацев, которые, согласно выведенной теории Н. Я. Марра, были отнесены к группе прометеидов (вместо индоевропейской группы, как было принято называть раньше). К тому времени в СССР насчитывалось около 2 тысяч немецких поселений и в них более 1,5 млн. человек. В научно-популярной форме рассказывается об истории переселения немцев, территориальных группах, основных занятиях и культурной жизни, отношении к церкви. Автор отмечал, что «в языке, народных обрядах и песнях, внутреннем убранстве домов и до недавнего времени

в одежде немцы-колонисты сохранили почти во всей чистоте элементы германской национальной культуры XVIII столетия» [15, с. 101].

К началу 1941 г. в списке его работ было свыше 500 позиций, включая рецензии, на русском, украинском, белорусском, французском, немецком, итальянском языках и на идиш. По поводу обилия публикаций Кагарова есть характерное замечание, которое высказал академик В. П. Бузескул в одном из отзывов: «Е. Г. Кагаров поражает обилием своих трудов, больших и малых, разнообразием тем, своим широким диапазоном. Труды эти охватывают Древний Восток, Грецию и Рим, античную культуру в разные ее проявлениях, фольклор, этнологию и этнографию, примитивную культуру и современный быт» [19, с. 145]. Среди рукописей «Этногония древних германцев. Критика фашистских теорий», опубликованная в виде статьи в 1937 г. [24], «История западноевропейской фольклористики» (1938), статьи о евреях, немцах и молдаванах, подготовленные для коллективной работы по этнографии народов СССР.

Одна из сохранившихся незаглавленных рукописей [21, д. 489, 990], по нашему предположению, легла в основу юбилейной брошюры «АССР немцев Поволжья», изданной к 20-летию республики в 1938 г. [1]. Сравнение типографского текста с текстом рукописи показывает, что совпадение доходит до 60–70 %, что позволяет говорить о Кагарове как соавторе этой публикации. В 1939 г. рукопись перерабатывалась для какой-то новой цели, в ней появляются вставки, например, об Одесской области. Остается загадкой, почему эта работа ни разу не указана в многочисленных списках публикаций, которые составлял сам Кагаров.

О последнем периоде жизни Кагарова сохранилось мало сведений. С 1 января 1940 г. он был освобожден от обязанностей заведующего кабинетом Кавказа, в связи с тем, что получил задание подготовить к печати «Историю первобытной культуры» (осталась неопубликованной). В том же году был командирован в Харьковский университет для чтения лекция с 20 апреля по 20 мая (без сохранения содержания по Институту этнографии). В 1939-м – летом 1941 г. часто болел, о чем есть отметки в приказах по институту. 5 августа 1941 г. он в последний раз вышел на работу после болезни, а 19 августа подал заявление об увольнении «в связи с приглашением на работу в Саратовский университет». Последний известный нам

документ датирован 21 августа 1941 г. – удостоверение об увольнении старшего научного сотрудника Института этнографии, профессора Кагарова и о направлении его на работу в Саратовский университет [30, д. 284, л. 3].

О том, почему Кагаров остался в Ленинграде, можно лишь строить предположения. Вероятнее всего, в конце августа уже было крайне сложно эвакуироваться, фашисты стояли совсем близко, в конце августа прервалась железнодорожная связь с «большой землей», а 8 сентября установилась полная блокада. Что стало с Кагаровым потом, выяснилось лишь из упоминавшейся статьи Н. А. Кислякова. Пережив первую блокадную зиму, он был эвакуирован в тяжелом состоянии в марте 1942 г. и отправлен на Северный Кавказ. Туда же эвакуировали и детские дома, в надежде, что фашисты не дойдут до тех пределов. В итоге многие люди оказались в оккупации. Кагаров скончался в Эссентуках, еще свободном от фашистов, 13 апреля 1942 г. О смерти ученого нет упоминаний в списке погибших в 1942 г. сотрудников ИАЭ [27]. Это можно объяснить, видимо, тем фактом, что в тот момент Кагаров уже не числился среди сотрудников института.

История научного наследия и книжного собрания Кагарова полна драматизма. 15 апреля 1943 г. сотрудники Публичной библиотеки, занимавшиеся спасением бесхозных частных библиотек и архивов, обнаружили ни кем не охраняемую научную библиотеку профессора Кагарова по адресу, где он жил: ул. Большая Разночинная, д. 6, кв. 6. Часть книг была перевезена в тот же день, другая часть из-за поломки машины осталась в пустой квартире, вывоз намечался на 20 апреля. Архивная запись дает характеристику попавших в Публичную библиотеку книг из квартиры Кагарова как уникального собрания «научного деятеля с серьезными заслугами» в области классической филологии. Особо отмечена богатая коллекция оттисков и отпечатков журнальных статей с автографами, богатый архив самого ученого, значительное количество книг на иностранных языках, выпущенных в 1930–1940 гг. Всего учтено 3010 экземпляров всяких изданий: 323 – по истории, 165 – по этнографии, 115 – по религии и мифологии, 293 русских журнала, 205 оттисков, 1348 экземпляров иностранной литературы и другое [25, с. 336–337].

Среди уцелевших документов была диссертация «Отражение первобытных форм брака в свадебных обрядах немцев СССР»

П. Г. Пеннера, аспиранта Кагарова в 1933–1936 гг., погибшего в 1937 г. Этот факт кажется чудом: неопубликованная диссертация была дважды спасена от уничтожения, в 1936 г. Кагаровым, а в 1943 г. сотрудниками Публичной библиотеки. Сохранившиеся у Кагарова документы, связанные с учебой Пеннера, а также сама диссертация позволяют открыть еще одну страницу в изучении советских немцев, что было бы невозможно при других обстоятельствах.

Через аспиранта Кагаров, вероятно, надеялся реализовать свои неосуществленные задумки по изучению немцев. Его не оставляла мысль найти лишнее подтверждение о пережитках группового брака у современных немцев, чтобы опровергнуть утверждения ряда германских ученых о том, что такая форма брака была характерна лишь для неарийских народов. Поэтому он писал, что Пеннер как никто другой готов к исследованию быта немецких колоний, «может противопоставить классово-тенденциозному освещению данного вопроса буржуазными авторами», Пеннер является «ценным приобретением нового набора молодых сил» [29, д. 4686, л. 39 об.].

Сбор материалов Пеннер вел по разработанному совместно с Кагаровым вопроснику, состоявшему из 600 пунктов на немецком языке. Информантами выступали студенты Немецкого педтехникума, Ленинградского университета, жители немецких колоний разных регионов СССР. Весной 1936 г. работа была готова, в мае опубликованы тезисы диссертации [23]. Предзащита прошла 26 мая 1936 г. на заседании комиссии по рассмотрению диссертации Пеннера во главе с директором ИАЭ, академиком И. И. Мещаниновым [21, д. 1040, л. 1–2]. В своем выступлении Кагаров отмечал, что работа Пеннера представляет большой научный интерес и актуальна, т.к. свадебные обряды совсем не изучены. Это первая сводная работа на тему свадебной обрядности, включающая большие полевые исследования самого автора.

До защиты дело не дошло, поскольку 27 августа Пеннер был арестован на основании вымышленных обвинений. Наказание отбывал на Соловках, где был повторно арестован и расстрелян 2 ноября 1937 г. Собранные Пеннером уникальные записи по фольклору, быту, обрядам немцев (более 1000 номеров записей), 200 фотографий из Республики немцев Поволжья – все бесследно исчезло. Сохранившийся экземпляр диссертации, первой научной работы по этнографии советских немцев, уникален. Спасти хотя

бы текст диссертации – это все, что смог сделать профессор для своего обреченного ученика, но для науки тем самым было сделано неизмеримо много.

Общий анализ истоков интереса отечественных исследователей, диалектологов и этнографов к проблемам советских немцев показывает, что он как бы прорастал через интерес к немцам Германии. Истоки отечественных диалектологических исследований берут начало в истории создания атласа немецких говоров, инициаторами которого были германские исследователи. Интерес Е. Г. Кагарова к немецкой теме тоже вырос из исследований о пережитках родового строя у древних германцев. Этнографические исследования немецких колоний не были частью плановых работ самой Академии наук, это была инициатива ученого. В начале 30-х годов исследования самого Кагарова и его ученика, посвященные немцам, выдвигались на первый план в противостоянии отечественной науки науке фашистской Германии. В этом политическое значение работы Кагарова. Научное же значение состоит в том, что это были первые профессиональные работы по немецкой этнографии в СССР. В них были зафиксированы многие стороны жизни немцев страны, исчезнувшие со временем и ставшие недоступными более поздним исследователям.

Идеологические и политические препоны объективно способствовали тому, что в довоенный период не развернулись исследования, посвященные немцам, а единственно возможной областью изучения немецкого населения оставался научный атеизм. Усиление фашистской Германии привело к тому, что против немцев СССР начались репрессии уже в первой половине 30-х годов, поэтому исследовать эту категорию населения становилось непростым делом. Репрессии против ученых, негласный запрет на «немецкую тему», сохранявшийся вплоть до середины 1980-х годов, нанесли огромный ущерб развитию науки. Этнографические исследования среди немцев были возобновлены лишь в 1990-е годы, когда уже ушли в прошлое многие традиции и обычаи, а сами немцы массово эмигрировали в Германию. Поэтому современные исследователи с особой благодарностью и интересом относятся к научному наследию таких выдающихся ученых-диалектологов как Г. Г. Дингес, В. М. Жирмунский, А. П. Дульзон, чья активная деятельность пришлась на довоенный период. В этом ряду особое

место занимают этнографы, известный исследователь Е. Г. Кагаров и совсем не известный П. Г. Пеннер, которые внесли свой вклад в становление этнографии советских/российских немцев.

1. АССР немцев Поволжья. – Энгельс, 1938. – 55 с. Тираж 20 тыс. То же самое на нем. языке: ASSR der Wolga-Deutschen. Politisch-ökonomischer Abriss. Тираж 30 тыс.
2. АССР немцев Поволжья. Командировка // Отчет о деятельности АН СССР за 1929 год. Ч. 2 : Отчет о научных командировках и экспедициях. – Л., 1930. – С. 195–196.
3. Березин С.Е. Е. Г. Кагаров: опыт научной биографистики // Армяне Украины: вчера, сегодня, завтра. – Старый Крым ; Сурб-Хач, 2009. – С. 20–21.
4. Березин С. Е. Новые материалы к биографии Е. Г. Кагарова // Одіссос: Актуальні проблеми історії, археології та етнології. – Одеса, 2009. – С. 228–232.
5. Евгений Георгиевич Кагаров – профессор Харьковского университета : Библиограф. указ. / сост. В. И. Кадеев. – Харьков, 1997. – 31 с., 1 л. порт.
6. Жирмунский В. М. Итоги и задачи диалектологического и этнографического изучения немецких поселений СССР // Советская этнография. – 1933. – № 2. – С. 84–112.
7. Иванова-Бучатская Ю. В. Гончарное ремесло поволжских немецких колоний // Быт и культура российских немцев в музеях Санкт-Петербурга : Сводный каталог. – СПб., 2003. – С. 123–134. Юлия Валерьевна, канд. ист. наук, научный сотрудник отдела европейстики МАЭ любезно организовала работу с коллекцией Кагарова в хранилище Кунсткамеры для участников «немецкой» секции конференции «Миллеровские чтения» 24 апреля 2013 г.
8. Кагаров Е. Г. АССР немцев Поволжья. Рекогносцировочная этнографическая поездка // Осведомительный бюллетень КЭИ. – № 18 (79). – 10 сент. 1929. – С. 140–142.
9. Кагаров Е. Г. Венчание покойников у немцев Поволжья // Советская этнография. – 1936. – № 1. – С. 106–108.
10. Кагаров Е. Г. Греческие таблички с проклятиями. – Харьков, 1918. – 81 с.
11. Кагаров Е. Г. Иззаграничных впечатлений: Берлинский университет. Университет в Галле и Лейпциге. На Палатинском холме. Научная жизнь в Афинах. Путешествие в Спарту. Воскресший мир. – СПб., 1912. – 36 с. [Отд. отд. из журн. «Гермес»]
12. Кагаров Е. Г. К этнографии немцев Поволжья // Доклады АН СССР. Сер. В. – Л., 1929. – № 15. – С. 283–286.

13. Кагаров Е. Г. Культ фетишей, растений и животных в древней Греции. – СПб., 1913. – 339 с. [Переиздана в Москве в 2012 г.]
14. Кагаров Е. Г. Материалы по этнографии немцев Поволжья // Доклады АН СССР. Сер. В. – Л., 1929. – № 14. – С. 262–269.
15. Кагаров Е. Г. Народы СССР. – Л., 1931. – 104 с., ил., карта.
16. Кагаров Е. Г. Пережитки первобытного коммунизма в общественном строе древних греков и германцев. Ч. 1 / отв. ред. акад. И. И. Мещанинов. – М.; Л., 1937. – 132 с.
17. Кенпен П. И. (*Körppen P. von*). Statistische Reise in's Land der Donischen Kosaken durch die Gouvernements Tula, Orel und Woronesh im Jahre 1850, mit einer Karte. – St. Petersburg, 1852. – 254 s. ; Erklärender Text zu der ethnographischen Karte des St. Petersburger Gouvernements von Peter von Körppen. – St. Petersburg, 1867. – 157 s. ; Хронологический указатель материалов для истории инородцев Европейской России. – СПб., 1861. – 510 с.
18. Кисляков В. Н., Решетов А. М. Крупный советский этнограф и музейевед Николай Андреевич Кисляков (к 100-летию со дня рождения) // Этнографическое обозрение. – 2002. – № 5. – С. 108–120.
19. Кисляков Н. А. Евгений Георгиевич Кагаров // Советская этнография. – 1963. – № 1. – С. 144–147.
20. Музей антропологии и этнографии РАН. № 3968. Описание коллекции. Сверка коллекции прошла в 1952 г., перерегистрация проведена в 1977 г., во время которой не были обнаружены предметы под номерами 9 и 11 (фляжка с ручкой и овальная миска для жарки).
21. Отдел рукописей РНБ. Ф. 324 (Кагаров Евгений Георгиевич).
22. Отчет о деятельности Академии наук СССР в 1933 году. – Л., 1934. – 392 с.
23. Пеннер П. Г. Отражение первобытных форм брака в свадебных обрядах немцев СССР [Тез. дис.]. – Л., 1936. – 6 с.
24. Против фашистской фальсификации истории : сб. ст. / ред. Ф. И. Нотович. – М.; Л.: АН СССР, 1939. – 450 с.
25. Публичная библиотека в годы войны. 1941–1945: Дневники, воспоминания, письма, документы / сост. П.Л. Вахтина, М. К. Свиченская ; отв. ред. А.Н. Маслова. – СПб., 2005 – 576 с.
26. Республика немцев Поволжья // Научный работник. – 1929. – № 12. – С. 117–118.

27. Решетов А. М. Отдание долга // Этнографическое обозрение. – 1995. – № 2. – С. 40–62.
28. СПбФ АРАН. Ф. 2. Он. 1 (1929). Д. 128.
29. СПбФ АРАН. Ф. 4. Он. 4. Д. 4686.
30. СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 5. (Институт этнографии. Личные дела).
31. Фролов Э. Д. Немецкий профессор в русском университете: Эрнест Романович фон-Штерн (1859–1924 гг.) // <http://centant.spbu.ru/centrum/publik/frolov/frol02f.htm>

Черказ'янова І. В. Ленінградський період діяльності Є. Г. Кагарова: внесок у вивчення етнографії німців СРСР

Показано внесок Є. Г. Кагарова в етнографічне дослідження радянських німців на рубежі 1920–30-х років. Це збір матеріалів під час експедиційних поїздок до німців Поволжя та в німецькі колонії під Ленінградом, публікація статей про традиції та звички німців, підготовка в Академії наук аспіранта П. Г. Пеннера, автора першої дисертації з етнографії радянських німців.

Ключові слова: Є. Г. Кагаров, Академія наук СРСР, Ленінград, АРСР німців Поволжя, етнографія, радянські німці.

Cherkazjanova I. V. The Leningrad period in the scholarship of E. G. Kagarov: Contribution to the ethnography of the USSR Germans

It is shown E. G. Kagarov's contribution to the ethnographic studying of the Soviet Germans in 1920–30th years: collecting of materials during scientific expeditions in Germans colonies of the Volga region and near Leningrad, the publication of articles about traditions and practice of Germans, preparation in Academy of Sciences of the post-graduate student P. G. Penner, the author of the first Ph.D. thesis about ethnography of the Soviet Germans.

Keywords: E. G. Kagarov, the Academy of Sciences of the USSR, Leningrad, the Volga Germans Republic, ethnography, soviet Germans.